

© 2009 г.

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук

заместитель директора Международного научно-исследовательского института
социального развития

КАК ПОНИМАТЬ «КОНВЕРГЕНТНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ»?

В нынешний момент исторического выбора в обществе, в силу объективных и субъективных причин вновь актуализировалась потребность в поиске реальных идеологических альтернатив как капитализму (в его известных конкретных версиях), так и обанкротившемуся ортодоксальному социализму. В качестве одной из этих альтернатив сегодня в мире опять стала популярной в различных кругах концепция конвергентного пути развития, который может привести в результате длительной трансформации к созданию макросоциальной системы, обладающей чертами и современного капитализма, и «развитого социализма».

Стоит обратить внимание на следующее важное историческое обстоятельство. Выбор конвергентного пути развития рассматривался одной из возможных альтернатив коренного преобразования социалистического строя еще в СССР. Постановка целей демократизации экономики и общества в период «перестройки» в бывшем Советском Союзе вселяла некоторую надежду на дальнейшее преобразование системы реального советского социализма в некую систему конвергентного типа¹. Однако грандиозные неудачи в проведении хозяйственных реформ и роковые ошибки в области внутренней и внешней политики поставили крест на этом замысле.

Ренессанс идеи конвергентного развития. Для начала остановимся кратко на самом содержательном смысле концепции конвергенции. Но достаточно ли ясно содержание концепции конвергенции в рамках социальной системы? В ее основе лежит идея социальной гармонии, как известно, восходящая еще и к Аристотелю, и к Конфуцию. Следуя современной терминологии, она предполагает гармоничное согласование кор-

¹ Это ожидание нашло отражение в написанной в форме диалога совместной книге Джона Кеннета Гэлбрейта и Станислава Меншикова «Капитализм, социализм, сосуществование» (М.: Прогресс, 1988), которая может быть интересна и нынешнему читателю.

невых институтов социальной жизни. Именно взаимное дополнение индивидуальных, корпоративных и общественных начал и представляет собой главную черту конвергентной макросоциальной системы.

Идея сочетания общественных и индивидуальных (корпоративных) институциональных начал нашла непосредственное отражение в теории конвергенции, каковая появилась в первой половине 60-х гг. Фактически основное содержание теории конвергенции изложено в работах таких выдающихся интеллектуалов XX столетия, как Йозеф Шумпетер, Питирим Сорокин, Ян Тинберген, Роберт Хейлбронер и Джон Кеннет Гэлбрейт. Появление этой теории было порождено сложившимся представлением, что в мире наблюдаются встречные процессы использования атрибутов социализма в капиталистической практике и заимствования элементов капиталистических отношений в ходе развития социалистических обществ.

Идеи социальной конвергенции, как известно, в полной мере разделял и Андрей Сахаров. В его «Размышлениях о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» теме возможной конвергенции между Западом и Советским Союзом уделяется особое внимание. По мнению А. Сахарова, целесообразен синтез двух противоборствующих общественных систем ради создания оптимальной социальной системы, вбирающей в себя лучшие черты капитализма и социализма.

Примечательно, что сегодня в качестве аргумента первостепенной важности в пользу сближения капиталистической и социалистической систем выдвигается наблюдаемое усиление роли государства в экономике и других сферах общественной жизни и на Западе, и в России. Наиболее явственно это выразилось в расширении государственного сектора, усилении инструментов макроэкономического регулирования и государственной социальной политики. Создается впечатление, что в результате такого процесса государство на Западе становится по своей роли близким к государству в социалистическом мире.

Однако в целом трактовка конвергенции как процесса непосредственного соединения преимуществ капитализма и социализма не находит фактического подтверждения. В чистом виде интеграция экономических, политических и культурных порядков, присущих реальному капитализму и реальному социализму, в одной социальной системе оказалась действительно невозможна. Это показал весь ход новейшей истории, приведший к коллапсу мировой системы социализма

на рубеже 1990-х годов. **В контексте сказанного, следует подчеркнуть принципиальное отличие феномена конвергенции между разными социальными системами, предполагающего интеграцию их различных институциональных устройств, от феномена внутрисистемной конвергенции.** Суть этого феномена заключается в согласовании и максимальной взаимной дополняемости институциональных механизмов, опосредствующих процессы саморегулирования и общественной регуляции в рамках определенной макросоциальной системы с учетом ее фактических взаимодействий с другими системами.

В русле системного институционализма *интерпретация социальной конвергенции означает гармоничное сочетание институтов частной собственности и свободного контракта (и рыночного, и политического), с одной стороны, и институтов общественной собственности и общественной, прежде всего, государственной координации, с другой. Иными словами, феномен внутрисистемной макросоциальной конвергенции прямо связан с возможностью достижения равноправного сосуществования базовых институциональных порядков саморегулирования и общественной регуляции.* В противоположность капиталистической и социалистической системам имманентная черта конвергентной макросоциальной системы как раз заключается в равноценности доминантных базовых институциональных порядков.

Применительно к развитию макросоциальной системы достижение равноценности доминантных базовых институтов означает, что траектории их трансформации объясняются своими внутренними, закономерностями и оказываются относительно автономными. В рамках ограниченного промежутка времени такого рода автономность сопряжена с одинаковой значимостью изменений институтов саморегулирования и институтов общественной регуляции относительно друг друга. Если действие первых приводит к изменению вторых, то имеет место и эквивалентное по значимости обратное воздействие. *Следовательно, имманентный признак внутренней конвергенции конкретной макросоциальной системы или внутрисистемной конвергенции заключается в установлении долговременного уравнивания институтов (и формальных, и неформальных) саморегулирования и общественной регуляции относительно друг друга.*

Стоит акцентировать внимание и на том, что уравнивание порядков саморегулирования и общественной регуляции означает равную удаленность от них производного базового порядка группового (корпоративного) регулирования. При таком условии изначально существует бла-

поприятная возможность для достижения баланса между самостоятельной деятельностью менеджеров организаций, особенно в процессе внутреннего (внутрифирменного) управления, и целенаправленно осуществляемой стратегией их развития.

В новейший период мирового развития возникли по крайней мере две по-настоящему фундаментальные причины в пользу выбора именно конвергентного пути развития в вышеизложенном его понимании.

Первая из них заключается в становлении многообразных институтов общественной регуляции в течение длительного, насчитывающего несколько десятилетий, периода их “мирного” сосуществования с институтами рыночного саморегулирования и политической демократии в странах, представляющих современные смешанные общества. Сама социальная жизнь в этих странах **показала возможность позитивного взаимного дополнения норм и правил, одна часть которых отражает индивидуальные и групповые либеральные ценности, а другая часть – социализированные ценности. Противоречия между этими двумя принципиально разными типами институтов оказываются не антагонистическими.** Они преодолеваются путем постепенного реформирования устройства национального сообщества без единовременных скачков, вызывающих разрушительные последствия, и, тем более, без революционных потрясений.

Следовательно, есть основания для вполне понятного предположения – достижение гармоничного единства институциональных механизмов саморегулирования и общественной регуляции становится возможным. В пространственно-временном измерении такая метаморфоза будет означать преодоление многовековой исторической и знаковым образом изменчивой тенденции то ослабления, то усиления роли базового институционального порядка общественной регуляции относительно альтернативного порядка саморегулирования. По сути дела речь идет о возможности достижения внутренней устойчивости определенной макросоциальной системы в отношении значимых в макромасштабе институциональных перемен.

Принципиальное значение имеет и следующее обстоятельство. Одновременное наличие мощных институциональных механизмов, обеспечивающих частную и общественную инициативу, в полной мере соответствует характеру настоящего периода грандиозных постиндустриальных технологических перемен. По всем долгосрочным прогнозам доминирующий инновационный тренд будет заключаться в практическом ис-

пользовании новейших достижений в области биотехнологий, а также других отраслей высоких технологий. Наряду с этим неуклонный экономический сдвиг по-прежнему будет проявляться в замене потребления сырьевых ресурсов на альтернативные способы ресурсопотребления, связанные с применением постиндустриальных технологий.

Давно признано, что для успеха инноваций, освоения современных высоких технологий наряду с полномасштабной частной инициативой требуется не менее значимая общественная поддержка. Ее призваны оказывать как государство, так и некоммерческие организации, в их числе университеты.

В свою очередь, осуществление всесторонних постиндустриальных преобразований, затрагивающих в полной мере и нерыночные виды деятельности, позволяет в принципе обеспечить высокий уровень преуспевания и личного благополучия для явного большинства граждан соответствующих стран как национальных сообществ. А это реально становится возможным при условии реализации механизмов распределения, присущих конвергентной макросоциальной системе.

Также, конечно, достижение устойчивого внутреннего равновесия становится необходимым в условиях глобализационных институциональных сдвигов. При этом, с одной стороны, адаптация к ним предполагает постоянное саморазвитие либеральных экономических институтов и институтов политической демократии. С другой стороны, все страны современного мира сталкиваются с проблемой огромных рисков глобальных катаклизмов – финансовых коллапсов, энергетических кризисов, экокатастроф. Снижение этих рисков становится возможным исключительно благодаря действию механизмов общественной регуляции – и на национальном, и на наднациональном уровне.

Вторая, не менее важная причина возможного предпочтения конвергентного пути развития заключается в постепенном все более глубоком восприятии идей социальной гармонии в широких общественных кругах стран, успешно развивавшихся в современную эпоху конца прошедшего века и начала нынешнего. Этот процесс прямо связан с усиливающимся распространением так называемого постматериалистического сознания среди представителей образованных и достаточно состоятельных страт общества, где достигнут высокий по современным меркам уровень социального благополучия. По существу *на смену базовым материальным ценностям, в первую очередь проявляющимся в ориентации на физическую и экономическую безопасность, приходят постматериальные ценности, выражающиеся в свободе самовыражения и качестве жизни.*

По своей шкале ценностей постматериалисты ставят личный предпринимательский успех и накопление индивидуального богатства наравне с профессиональными достижениями и долговременным человеческим благополучием в рамках существующего социума и окружающей природной среды. Постматериалистов отличает одинаковое неприятие секулярных или, говоря обычным языком, сугубо материальных идеологий. В первую очередь речь идет о традиционном марксизме и западном либерализме.

Определенно круг лиц, разделяющих постматериалистическое мировоззрение, будет увеличиваться по мере распространения в ходе дальнейшей общемировой постиндустриальной трансформации видов деятельности, основанных на интеллектуальном знании. Не вызывает сомнений предрасположенность к этому мировоззрению значительного числа представителей нового молодого поколения, получивших современное образование и способных принимать самостоятельные решения в рамках своей профессиональной деятельности. Кроме того, обозначенный фундаментальный сдвиг в общественном сознании определенно затрагивает и идеологические воззрения представителей господствующих элит. Исходя из интересов сохранения своего высшего статуса, их модели поведения начинают приспосабливаться к новому балансу базовых ценностей.

Признаки реального становления конвергентных макросоциальных систем. Достаточно распространено мнение о социальной конвергенции как очередном утопическом проекте оптимального общественного устройства. Но это ошибочная точка зрения. В пользу концептуальной идеи внутрисистемной конвергенции свидетельствует сама практика мирового развития.

Впервые о существовании в Восточной Азии обществ, самостоятельно развивающихся не по капиталистическому и не по социалистическому пути, было прямо заявлено многолетним руководителем Малайзии Мохаммадом Махатхиром на конференции организации исламских государств в Куала-Лумпуре в 2003 году.

О достижениях восточноазиатских «драконов» в период 1970–1990 гг. говорят давно. Нередко при объяснении этого феномена основной упор делают на успешной экспортной переориентации ряда отраслей национальной экономики рассматриваемых стран с использованием известных конкурентных преимуществ, особенно низких издержек на рабочую силу. Такое объяснение, конечно, слишком примитивно. В расчет следует принимать и первостепенную роль государственной политики, в первую

очередь промышленной, в осуществлении последовательных, совсем не «шоковых» структурных преобразований. Именно благодаря проведению такой политики удалось добиться благоприятного климата для национального и иностранного капитала в реальной сфере экономики. При этом конкретные экономико-политические решения основывались на принятых общенациональных программах (планах) развития.

Использование мощных механизмов государственного регулирования экономики было сопряжено и с проведением жесткого политического курса по обеспечению национальных интересов (как они понимаются истеблишментом), в том числе в культурной сфере. Тем самым становление национально-государственных систем в рассматриваемых странах происходило по пути, далекому от известных исторических образцов становления существующих систем западных стран.

Нельзя не признать, что мировые финансовые потрясения поставили все новые индустриальные страны перед сложными дилеммами. Тем не менее, вследствие сохранения ориентации этих стран на исключительно постепенную глобализацию и одновременно выгодную региональную интеграцию расширение зон действия либеральных экономических институтов с большой долей вероятности не повлечет за собой сужение зон действия основных институтов общественной регуляции. И есть все основания ожидать продолжения траектории трансформации систем рассматриваемых национальных сообществ именно в русле конвергентного пути развития.

Особый интерес вызывает обсуждение возможности перехода к конвергентному пути развития для существующих ныне стран, именующих себя социалистическими или странами социалистической ориентации. Наиболее важным является вопрос о возможности развития в будущем социальной системы Китая по пути конвергенции. Такая альтернатива сценарию возврата к «настоящему социализму» выглядит вполне реальной в случае сохранения сложившихся преобладающих направлений институциональных преобразований.

Так, по мнению авторитетных китайских специалистов, продолжение эволюционно-ориентированной институциональной трансформации будет сопряжено с проведением так называемого умеренного рыночного курса¹. Он ориентирован на достижение устойчивых темпов экономического роста на основе сочетания чисто рыночных механизмов с механиз-

¹ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М.: Московский Центр Карнеги, 2005, с. 607.

мами государственного регулирования и при осуществлении крупномасштабных инвестиционных программ и проектов с участием государства. Очевидно, задаче устойчивого прогресса китайской смешанной экономики в полной мере будет отвечать максимальная институциональная стабильность. А это условие как раз выполняется в рамках конвергентной макросоциальной системы, в которой альтернативные базовые институты собственности и координации занимают равноценное положение.

В случае продолжения существующего политического курса руководством Китая вполне вероятным выглядит осуществление прогноза о дальнейшей демократизации общества, в ходе которой рано или поздно произойдет отказ КПК от монополии на власть. Переход к плюралистическому политическому режиму резко расширит возможности согласования интересов разных общественных групп, в первую очередь существующей элиты, богатого, среднего и малоимущего слоев общества.

Вместе с тем ограничения выборной демократии, препятствующие ее превращению в «торговлю» голосами, и другие ограничения демократии, свойственные большинству Азиатских стран, будут по всем признакам оставаться знаковой чертой дальнейшей системной трансформации в Китае. Это означает, что смешанная модель политического устройства, адекватная его культурно-историческим традициям, гигантским масштабам его населения и колоссальным внутренним различиям, будет очень существенно отличаться от политических систем западных стран. И в гораздо большей степени будет ближе к аналогичным системам, существующим в новых индустриальных странах Восточной Азии.

В подтверждение сказанного, особо стоит сделать акцент на наблюдающемся сближении идеологической позиции руководства КПК с идеологией национальной (в западных СМИ, правда, называемой националистической) социал-демократии. Крайне симптоматичным в этом плане выступает достигнутая несколько лет назад (в 2004 г.) договоренность между Коммунистической партией Китая и Гоминьданом, в настоящее время безоговорочно ведущей политической силы в Тайване, об идеологическом «примирении». Ведь именно партия Гоминьдан с начала ее создания одним из наиболее выдающихся политических деятелей XX века Сунь Ят Сеном как никакая другая политическая сила до сих пор представляет национальное направление социал-демократии.

Принципиальное значение имеет также следующее обстоятельство. Практически все институциональные реформы последних лет в Китае

прямо или косвенно способствовали изменению статусной пирамиды, прежде всего, в направлении относительного повышения роли среднего класса, но отнюдь не рабочих и крестьян. Ожидаемый в перспективе трансформационный сдвиг состоит и в некотором усилении позиций китайских капиталистов – владельцев частных предприятий в сравнении с позициями государственной бюрократии по мере дальнейшего утверждения зрелых контрактных отношений, реализации эффективных механизмов административного управления и антикоррупционных мер. В то же время, вероятно, такой сдвиг будет заведомо ограниченным в силу, по крайней мере, двух причин. Во-первых, позиции правящей элиты в лице высших партийных и государственных функционеров не должны быть поколеблены. Во-вторых, дальнейшая существенная поляризация богатства, и так беспрецедентно высокая для китайского общества, неприемлема, поскольку она, скорее всего, приведет к разрушительным социальным конфликтам.

Тем самым в целом предполагаемым итогом трансформационных преобразований в русле проводимого до настоящего времени руководством КНР курса может стать формирование смешанной социальной структуры, в которой страта настоящих капиталистов-собственников и, тем более, страты, присущие прежнему социалистическому обществу, играют не первостепенную роль. Такого рода социальная структура будет близка к той, которая существует в конвергентных обществах.

Имеет смысл обратить внимание и на то, что такое понятие, как «общество сяокан», то есть «гармоничное общество», несомненно, является продуктом традиционной китайской общественной мысли и культуры. По прогнозам ряда исследователей¹, к середине века модель управления в Китае станет адекватной именно обществу сяокан, достаточно дифференцированному, с одной стороны, но лишенному острых политических, социальных и экономических противоречий, свойственных нынешнему периоду, с другой.

В целом развитие современного китайского общества характеризуется усилением продуктивного взаимодействия между институтами частного саморегулирования и институтами общественной регуляции, в чем и проявляется главное преимущество конвергентной системы. И в обозримой перспективе следует ожидать, судя по мнению многих специалистов,

¹ См., например: Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., Институт экономических стратегий, 2006.

устойчивого продолжения этой тенденции. Следовательно, есть весомые основания полагать принципиально возможным для Китая плавный переход к конвергентному институциональному устройству.

О возможности перехода на конвергентный путь развития в России. Очевидно, первоочередным необходимым условием для такого системного трансформационного поворота является преодоление нынешнего экономического кризиса в нашей стране, сориентированное на будущий государственный курс именно в русле конвергентной системной трансформации. Это станет возможным, если выход из кризиса будет осуществляться в решающей мере за счет внутренних источников, а не посредством внешних заимствований. В настоящих условиях такими источниками являются расширение региональных рынков, прежде всего продовольственных, рост независимого малого и среднего предпринимательства, усиление местной инициативы, особенно в социальной сфере. Именно сюда должны быть направлены и эффективно использованы остающиеся у государства значительные ресурсы финансовой поддержки.

Успешная реализация обозначенных антикризисных мер вкупе с осуществлением стабилизационной социальной политики сделает вполне достижимым постепенный переход к конвергентному пути развития в нашей стране. Попробуем обозначить основные контуры такого общественного выбора.

Можно утверждать со всей определенностью, что утверждение конвергентного институционального устройства в нашей стране наилучшим образом способствовало бы масштабной постиндустриальной технологической трансформации. Три неоспоримо весомих аргумента свидетельствуют в пользу сказанного.

Во-первых, всеобъемлющие постиндустриальные технологические преобразования сопряжены с формированием зрелого сектора венчурного предпринимательства, в котором равное положение занимают институты независимого предпринимательства и институты общественной регуляции. Во-вторых, максимальное наращивание высокотехнологичного потенциала само по себе будет означать отказ от приоритетного развития сырьевых и других отраслей, являющихся материальной основой существующего государственно-капиталистического уклада – главного препятствия для перехода к конвергентному пути развития. В-третьих, форсированное увеличение интеллектуального капитала будет сопровождаться увеличением социальных сил в лице высококвалифицированных специа-

листов и предпринимателей, заинтересованных в конвергентной институциональной трансформации.

Что же будет представлять собой экономическая модель нашей страны в случае выбора конвергентного пути развития? Охарактеризуем ее хотя бы в первом приближении.

Самый краткий ответ – модель смешанной экономики, характеризующаяся равноправным положением институтов общественной (государственной) и частной собственности, институтов общественного экономического регулирования и рыночного саморегулирования. Такая модель призвана обеспечить достижение стандартов общества благосостояния в соответствии с определенными рамочными условиями справедливого распределения потребительских благ и хозяйственных ресурсов.

Исходя из сегодняшних реалий, ключевое значение для выполнения императива справедливого распределения имеет преодоление бремени сверхдоходности отдельных рынков. Капиталы олигархов должны быть выведены с рынка, для чего в сырьевой сфере требуется осуществление в широких масштабах открытой справедливой *ренационализации*. Юридически правомерен выкуп пакетов акций частных компаний, действующих в сырьевой сфере, по первоначальной стоимости приобретения с учетом фактического индекса инфляции на внутреннем рынке.

Жалование высших менеджеров крупнейших корпораций должно будет, конечно, соответствовать принятым международным стандартам. Но одновременно станет невозможным превращение этих менеджеров во владельцев миллиардных активов своих компаний.

Неотъемлемой чертой конвергентного национального развития в нашей стране должна выступать и рационализация использования земли как общенационального достояния. Результатом государственной политики призвано стать недопущение спекуляции землей и обеспечение доступности цены на землю с целью ее эффективного использования, с учетом экологических и других требований. При этом нельзя не принимать во внимание сложившуюся очень сложную проблему преодоления последствий криминальной приватизации земли, в которой активно участвовали муниципальные органы власти. Для разрешения этой проблемы требуется реализация жестких и в то же время законодательно обеспеченных мер по фактической ренационализации значительной части земельного фонда и только в дальнейшем его передачи в частную собственность на принципах справедливого распределения.

Отличительная черта модели национальной экономики, адекватной конвергентному пути развития, заключается и в целенаправленном регулировании движения капитала по его основным каналам. Оно сделает практически невозможным извлечение сверхдоходов от операций на внутренних рынках ценных бумаг. Разумеется, такое финансовое регулирование даст желаемый результат, если окажутся «закрытыми» альтернативные каналы движения частного капитала с целью извлечения сверхдоходов.

В целом за границами сугубо корпоративного бизнеса для большинства граждан стран, принявших конвергентный путь развития, капитализация частной собственности не является значимым мотивом их жизнедеятельности. В этом непосредственно находит выражение имманентное свойство ограниченного капитализма, присущего конвергентной социальной системе.

Обеспечение достойного существования для большинства граждан посредством *оказания весомой и разнообразной поддержки нуждающимся имеет решающее значение для утверждения желаемого социального климата* в ходе становления конвергентного общества. Кроме того, *в таком обществе дифференциация доходов фактически становится предметом государственного регулирования*. Один из наиболее весомых ее инструментов – взимание налогов на крупные наследуемые состояния. Эти налоговые поступления призваны быть непосредственно использованы на финансирование программ социальной помощи.

Максимально широкое и одновременно эффективное осуществление долгосрочных социальных инвестиций также представляет одно из важнейших условий успешного развития конвергентной национальной системы. Позитивному взаимному дополнению государственной, коллективной и частной инициативы в сфере социального предпринимательства будут в полной мере благоприятствовать основополагающие условия равноправия базовых институтов общественной регуляции и саморегулирования в рамках конвергентной национальной системы.

В ходе конвергентной системной трансформации объективно возникнет потребность и в осуществлении обновленной, с учетом ожидаемых постиндустриальных технологических и глобализационных перемен, стратегии устойчивого развития на базе сохранения и приумножения экологических ценностей. По официальным оценкам, большинство россиян живут в неблагоприятных экологических условиях. Необходимость скорейшего решения насущных экологических задач, притом с учетом их территориальной специфики, должна будет в основном определять со-

держание и потребность в размерах финансирования различных государственных программ, особенно региональных.

Также один из неотъемлемых императивов конвергентного национального развития заключается в достижении гармоничных региональных пропорций. Для России, отличающейся крайней дифференциацией уровня развития своих различных территориальных частей, эта проблема архисложна. Она может быть разрешена только постепенно с учетом сложившихся объективных различий между регионами Центральной России, с одной стороны, и регионами Сибири, Севера и Дальнего Востока, с другой.

В границах Центральной России существующие региональные различия в уровне жизни и, особенно, обеспеченности объектами социальной инфраструктуры должны быть кардинально сокращены в решающей степени благодаря проведению целенаправленной государственной политики. В отношении трудных для проживания районов Сибири и Севера, по всей видимости, правомерно проведение взвешенной региональной политики, предусматривающей привлечение значительных внешних инвестиций и в немалой степени рабочих и специалистов из СНГ и других стран. Таким путем становится возможным постепенное избавление от многовекового груза прошлого колониального развития России, связанного с экстенсивной эксплуатацией природных недр.

Реальным станет, по нашему убеждению, и постепенное избавление от укоренившейся болезни концентрации финансовых ресурсов в Центре. Огромный потенциал московского бизнеса, особенно строительного, может быть использован на цели экономического и социального развития регионов Центральной России на принципах рыночного и социального предпринимательства при соблюдении принятых правовых норм. При этом следует принимать в расчет, что прекращение массового притока приезжих в Москву будет способствовать в целом улучшению социального климата в нашей стране и возрождению духовной отечественной культуры.

На политической арене конвергентная системная трансформация будет, по-видимому, сопряжена с переориентацией на идеологию социал-демократии. Такой политический сдвиг может привести к трем важным результатам.

Во-первых, к ускорению демократизации и одновременно усилению ответственности исполнительной власти на всех уровнях, особенно на местном. Это предполагает проведение всеобъемлющей административной реформы в соответствии с задачами развития страны на ближайшие

будущие десятилетия. Во-вторых, к проведению действительно справедливых процедур демократических выборов. Речь идет об обязательности участия в голосовании; о запрете на частное финансирование предвыборных кампаний или, во всяком случае, его заведомое ограничение; об обеспечении равной доступности средств массовой информации для конкурирующих политических партий; о применении законодательно утвержденных жестких норм уголовного наказания за фальсификацию результатов выборов, покупку голосов избирателей и т.д. В-третьих, к проведению такого внешнеполитического курса нашей страны, который будет способствовать установлению нового мирового экономического и политического порядка, основанного на равноправном диалоге мировых цивилизаций: западной, евразийской (ее представляет Россия), мусульманской, восточноазиатской и др.

Конечно, переход к конвергентному национальному пути развития предполагает становление действительно правового государства, что означает необходимость осуществления активной государственной политики в рамках правового поля. Она призвана быть ориентирована на выполнение общепринятых в развитом мире законодательных норм, независимость судебной власти, последовательное сокращение сферы полномочий бюрократии, позволяющих ей влиять в собственных интересах на договорные отношения.

Также несомненна непреложность осуществления толерантной регуляции культурных сдвигов в случае перехода к конвергентному пути развития. Осуществление конвергентной культурной трансформации позволит сохранить традиционные для нашей евразийской страны ценностные ориентации в ходе наступающих технологических и институциональных перемен.

Заглавная роль в возрождении духовной культуры нашей страны будет принадлежать общественным организациям, а не государственной власти. Так, в обозримой перспективе особо значимым в этом процессе будет участие преодолевающей консерватизм русской православной церкви в сотрудничестве со свободными от экстремизма представителями мусульманской конфессии.

По всем прогнозам при любом развитии политических событий острота национальной проблематики в России не снизится. И неприемлемо упрощенной выглядит фактически официальная концепция единого русского народа как суверена государственной общности, хотя и не представляющего собой этно-национальную общность.

Гармоничное согласование интересов в сфере национальных взаимоотношений, которое должно быть присуще конвергентной макросоциальной системе, достижимо, конечно, только благодаря действию институтов общественной регуляции, в первую очередь институтов государства. В ближайшей перспективе существующие инструменты государственной политики призваны быть направлены на предоставление действительно широких возможностей представителям всех национальностей для получения качественного образования, особенно управленческого, юридического и финансового, и доступности должностей на всех уровнях исполнительной и судебной власти. Ключевую роль в ослаблении национальных противоречий призвано сыграть и эффективное регулирование миграционных потоков.

Но с учетом сегодняшних реалий не является ли все сказанное очередной версией сказки про «золотой ключик»?

Нынешняя бюрократическо-олигархическая элита, владеющая огромной собственностью и бесконтрольной властью, не склонна к отказу от своекорыстного контроля над всем капиталистическим классом, да и всем обществом. Об этом свидетельствуют хотя бы перестановки в высших эшелонах власти, произошедшие после последних президентских выборов.

Однако можно предположить, что нынешний экономический кризис заставит элиту достаточно серьезно изменить свое отношение к сложившейся в нашей стране общественной модели. Это станет возможным, если изменится соотношение сил на политической арене. Действительно, вполне закономерным результатом давно назревшего сдвига к высоким технологиям, связанного с осуществлением предполагаемых оборонных и научно-технических программ, может стать кардинальное усиление статусных позиций настоящей технократии. Параллельно следует ожидать и адекватного усиления позиций, с точки зрения обладания административными, финансовыми и политическими ресурсами, тех государственных управленцев, которые стремятся проводить курс на модернизацию. Тогда станет реальным и формирование мощной политической коалиции сил, близких по своей ориентации к социал-демократии на российской национальной почве и способных взять на себя ответственность за будущее страны.

Разумеется, сценарий конвергентного национального развития становится принципиально возможным при сочетании реформ сверху и гражданской инициативы снизу. Широкий социальный слой, на который

можно было бы опереться для осуществления такого перехода, составляют квалифицированные работники большинства государственных организаций, специалисты многих отраслей, особенно потенциально высокотехнологичных, патриотическая гуманитарная интеллигенция и студенчество. В случае эффективного использования этого потенциала социальной поддержки станут преодолимыми сложившиеся экономические, политические и другие институциональные изъяны на строго правовой основе без революционных потрясений.

Сказанное, впрочем, повышает вероятность дальнейшей переориентации и затем сближении наиболее весомых общественных сил, до сих пор выступающих за выбор пути социалистической реставрации, и консолидации общества на базе социал-реформистских преобразований.

Проблема эффективности сценария конвергентного развития. Теперь попробуем сопоставить сценарий конвергентного национального развития с его основной альтернативой – сценарием традиционного капиталистического развития – с точки зрения институциональной эффективности, в конечном счете проявляющейся через соотношение затрат и результатов.

Вполне понятно, на наш взгляд, основное институциональное преимущество конвергентной макросоциальной системы в сравнении с системой капиталистической ориентации в области технологического развития. Оно касается преференциального положения капитала в венчурном и постиндустриальном секторах. Конвергентный институциональный механизм технологического развития свободен от государственно-бюрократических приоритетов: положение частных инноваторов и инвесторов не будет ущемленным по сравнению с положением государственных и частно-государственных предпринимателей.

С гораздо большей осторожностью можно говорить о преимуществе конвергентных институциональных механизмов, исходя из традиционного индикатора повышения национального благосостояния и других индикаторов экономического прогресса. Было бы неправомерно сбрасывать со счетов сохраняющийся огромный потенциал развития капиталистических конкурентных рынков. Он в состоянии, как показывает история новейшего времени, обеспечивать достижение высоких жизненных стандартов для значительной части членов обществ капиталистической ориентации. Однако, несправедливые результаты распределения созданных благ в странах, превалирующих в капиталистическом мире, оказывают негативное обратное влияние на развитие этих социальных макросов и рано или

поздно, как показывает история нынешнего кризиса, приводят к социальному регрессу. В этом плане преимущество конвергентного институционального устройства заключается в справедливом распределении результатов экономической деятельности, позволяющем эффективно проводить социальную политику.

Относительно предпочтительным выглядит и политический облик общества с конвергентным институциональным устройством. Так, в отличие от макросоциальных систем капиталистической ориентации в конвергентных социальных макросах возникает возможность достижения реального демократического политического выбора, особенно на уровне регионов и местных сообществ. Одновременно конвергентному институциональному строю присуще отсутствие политической монополии и наличие многих политических свобод, свободы совести и веротерпимость.

Ожидаемые результаты трансформации институтов культуры в случае выполнения сценария конвергентного развития также выглядят привлекательнее в сравнении со сценарием капиталистического развития. В конвергентном обществе не будет доминирования коммерческой массовой культуры и, соответственно, бездуховного существования и нравственной деградации многих ее потребителей. В то же время значимые культурные перемены будут происходить без диктата государства и без попыток навязать обществу пресловутую монокультурность (если вспомнить о социалистическом реализме).

Наконец, выбор в пользу конвергентного пути развития предпочтителен и с точки зрения совокупных трансформационных затрат. Конвергентную макросоциальную трансформацию отличает минимальность затрат, связанных с заменой корневых институтов саморегулирования и общественной регуляции относительно друг друга. И в целом в сравнении с сопоставляемым альтернативным сценарием сценарий конвергентной системной трансформации гораздо более близок к внутренне-ориентированному сценарию, сопряженному с наименьшими дезэволюционными сдвигами.

Конечно, конвергентные институциональные механизмы далеко не идеальны. Можно предположить, что и в ходе конвергентного развития нашей бывшей социалистической страны в полной мере будет проявляться «вечная» проблема номенклатурной бюрократии. Опасность нового установления всевластия государственной бюрократии будет реальной.

Главным залогом преодоления этой опасности станет направленность эволюционных трансформационных сдвигов, происходящих по мере раз-

вития конвергентной макросоциальной системы, в сторону усиления рыночных свобод в плане дерегулирования разнообразных видов экономической деятельности, а также углублении политической демократии. Вместе с тем, постепенное расширение областей действия институтов рыночного саморегулирования и институтов демократии предполагает в качестве главного условия сохранение их равноценности с институтами общественной регуляции, роль которых будет оставаться очень весомой.

В расчет следует принимать и большую вероятность «шоковых» внутрисистемных потрясений, таких, как происходящие внутриполитические конфликты или экологические катастрофы техногенного происхождения. Тем не менее, институциональные регулирующие механизмы, которыми должна располагать конвергентная система, могут обеспечить необходимую адаптацию к последствиям такого рода дискретных перемен.

Проблема внешнего риска в ходе предполагаемого конвергентного развития нашей страны непосредственно связана с перспективами дальнейшей общемировой трансформации человеческого социума, прежде всего на экономическом и политическом пространствах. Но этот риск кардинально снизится в случае взаимовыгодной интеграции макросоциальных систем различных стран, сходных с точки зрения относительной значимости институтов саморегулирования и общественной регуляции.

Такого рода интеграционный процесс может стать вполне реальным в случае перехода к иному, гораздо более справедливому экономическому и политическому мировому порядку¹, идея установления которого завоевывает все большее число сторонников на фоне «аварии» глобального капитализма. Тогда возникнут условия для успешной конкуренции конвергентной системы с пока еще глобальной капиталистической системой, притом в режиме мирного сосуществования, сотрудничества и постепенного сближения ориентиров развития.

¹ Эта тема затронута в другой работе автора: Мартынов А.В. Трансформация макросоциальных систем в постсоциалистическом мире: методологический аспект. М.: Комкнига, 2006, с. 206-207.